

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЦЕНТР РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

ОТ КОНГРЕССА К КОНГРЕССУ

**Материалы Второго
Всероссийского конгресса
фольклористов**

Сборник докладов

Том 2

**Москва
2011**

УДК 398.2 + 316.775 + 316.778
ББК 82.30
О80

Автор проекта и инициатор проведения Конгресса,
ответственный редактор **А. С. Каргин**

Составители

В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова, А. С. Каргин

О80 **От конгресса к конгрессу. Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов.** Сборник докладов. Том 2. — М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2011. — 448 с.
ISBN 5-86132-090-х

Во второй том включены доклады отечественных и зарубежных ученых, прочитанные на Втором Всероссийском конгрессе фольклористов и посвященные комплексной текстологии, теории фольклора, мифологии, народным верованиям и демонологии, вопросам фольклора и этнографии, проблемам изучения народной хореографии, декоративно-прикладного искусства, традиционной культуры в современных условиях.

Издание предназначено специалистам в области традиционной культуры, а также широкому кругу читателей, интересующихся славянским фольклором.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2006–2011 гг.)»,
государственный контракт ¹ 1816-01-41/02-АИ от 24.06.2009 г.*

УДК 398.2 + 316.775 + 316.778
ББК 82.30

ISBN 5-86132-090-х

© Государственный республиканский центр русского фольклора, 2011

Содержание

От составителей 5

I. КОМПЛЕКСНАЯ ТЕКСТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ФОЛЬКЛОРА

<i>Г. И. Власова.</i> Календарный нарратив как гипертекст	8
<i>К. А. Маслинский.</i> Модели вариативности в фольклористике (опыт формальной постановки проблемы)	16
<i>Е. В. Сафронов.</i> К вопросу об индивидуальной вариативности фольклорного прозаического текста	29
<i>И. Н. Райкова.</i> Материнский, детский и «взрослый» фольклор: границы, переходы, влияния, совпадения	43
<i>С. П. Сорокина.</i> Принципы построения и особенности сюжетно-композиционного варьирования в народной драме «Царь Максимилиан»	51

II. МИФОЛОГИЯ, НАРОДНЫЕ ВЕРОВАНИЯ, ДЕМОНОЛОГИЯ

<i>Л. Раденкович.</i> Сравнительное изучение славянского фольклора (на материале демонологических преданий)	64
<i>Е. Е. Левкиевская.</i> Этнодиалектное картографирование демонологии Полесья	76
<i>В. В. Виноградов.</i> Голоса леса в системе мифологических представлений народов Европейского Севера	100
<i>К. К. Логинов.</i> Былички Обонежья (опыт включенного наблюдения)	115
<i>И. Ю. Винокурова.</i> Материалы о вепсских духах жилища и хозяйственных построек в рукописных собраниях финских офицеров по просвещению (1941—1944 гг.)	122
<i>Л. Х. Давлетшина.</i> Мифологический персонаж: проблема сравнительной характеристики	134
<i>С. А. Сиднева.</i> Растение как атрибут мифологического персонажа	140
<i>Т. Г. Голева.</i> Дерево — человек: сравнительные параллели в мировоззрении коми-пермяков	148
<i>Д. В. Воробьёв.</i> Типачимун/улгур и атанукан/нимьякан как категории фольклорных текстов	157

III. ФОЛЬКЛОР И ЭТНОГРАФИЯ

<i>И. Е. Карпунин.</i> Частушка на русской свадьбе и свадьба в частушках	172
<i>Д. М. Дзлиева.</i> Современное состояние свадебной традиции осетин	187
<i>А. Н. Розов.</i> Рождественские тропарь, ирмос и кондак в народной святочной традиции	200

<i>Ю. М. Шеваренкова.</i> «Фольклорная летопись (биография)» монастыря в свете изучения местной религиозной традиции (на материале Серафимо-Дивеевского монастыря)	214
<i>М. М. Красиков.</i> Замок и ключ в традиционной и современной народной культуре украинцев	229
<i>Ю. Н. Наумова.</i> Гадания Прииртышья: семантика и функция	248
<i>Т. Б. Смирнова.</i> Развитие фольклора и обрядности в условиях диаспоры (на примере российских немцев)	256

IV. ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОЙ ХОРЕОГРАФИИ

<i>А. С. Фомин.</i> Полифункциональность фольклорного (игрового) танца в современной стратегии развития и воспитания подрастающего поколения.	266
<i>А. И. Шилин.</i> Создание универсальных компьютерных (цифровых) фондов — актуальная задача этнохореологии.	292
<i>Р. А. Султангареева.</i> Башкирский хореографический фольклор: традиции и современность.	299
<i>Л. Я. Николаева.</i> Особенности традиционной танцевальной культуры русского населения Омского Прииртышья в конце XIX — начале XX в.	308

V. ИЗУЧЕНИЕ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА

<i>М. М. Маммаев.</i> Фольклор и декоративно-прикладное искусство: некоторые аспекты взаимосвязи	320
<i>Ю. Б. Иванова.</i> Современный народный текстиль: феноменологический ракурс.	332
<i>Г. П. Мельников.</i> Русская народная игрушка: современные социокультурные и стилистические трансформации	345
<i>А. Г. Кулешов.</i> Традиционная русская глиняная игрушка. Происхождение и развитие.	351
<i>Н. Е. Барина.</i> Традиционные вышитые полотенца Торжокского района Тверской области	369
<i>С. А. Ситникова.</i> Мотивы женского божества в «полотняном» фольклоре Тверской области	375
<i>О. К. Гладышева, С. Д. Оленев.</i> Грязовецкие прялки: особенности росписи	385

VI. ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

<i>М. В. Мугадова.</i> Нематериальное культурное наследие и фольклорное искусство Дагестана в современных условиях	394
<i>А. Дж. Магомедов.</i> Фольклорная культура Дагестана в условиях глобализационных процессов XX — начала XXI в.	401
<i>Т. А. Котлярова.</i> Проблемы реконструкции и трансляции празднично-обрядовых форм народной культуры Кемеровской области	417
<i>В. Ю. Багрищев.</i> Деятельность учреждений культуры Омской области по реконструкции восточнославянского фольклора	425
<i>В. В. Васильев.</i> Традиционная культура в истории российской государственности	438

Е. В. САФРОНОВ
(Ульяновск)

К вопросу об индивидуальной вариативности фольклорного прозаического текста

На теоретическом уровне в фольклористике и смежных с ней научных дисциплинах неоднократно постулировалась зависимость произнесенного текста (особенностей его содержания, композиции, объема и др.) от таких факторов, как взаимная оценка социальных статусов и выбранный способ коммуникативного поведения собеседников; определенные интересы (вопросы) собирателя и информанта; участие в беседе третьих лиц (например, односельчан рассказчика) и т. д.¹ Однако о непосредственной реализации этих факторов в определенном рассказе или беседе, о том, как именно и в каком месте конкретного текста проявляется влияние конкретного фактора (их совокупности), чаще всего говорится или в форме предположения, или предельно обобщенно.

Такая ситуация объясняется, прежде всего, двумя причинами. Во-первых, происходящий между собирателем и информантом контакт, результатом которого является фиксация фольклорного «материала» или «текстов», представляет собой сложное коммуникативное событие. Учесть даже основные составляющие этого события чрезвычайно трудно. Во-вторых, для того чтобы понять, как тот или иной фактор влияет на произносимый текст, необходимо иметь возможность наблюдения над реальным бытованием конкретного рассказа *во времени*. Единственный способ осуществить такое наблюдение — зафиксировать воспроизведение данного текста неоднократно. Опираясь на несколько фиксаций одного и того же рассказа, воспроизведенного одним и тем же человеком, исследователь может сопоставить эти записи. Такое сопоставление — ключ к изучению бытования фольклорного текста на ином уровне (по сравнению с рассмотрением однократно зафиксированного текста), вероятно, более приближенном к тому, что происходит в «живой жизни»².

Таким образом, цель данной статьи — показать те возможности, которые открывает исследователю сопоставление индивидуальных

вариантов, а также — указать на ряд важных вопросов, возникающих в связи с их рассмотрением.

Вообще, констатация вариативности фольклора относится к числу «школьных идей»³. Однако это не означает, что все вопросы, связанные с этим фундаментальным и постоянным качеством фольклорного текста, в должной мере отрефлексированы.

Представляется важным отличать варьирование текстов, записанных от разных рассказчиков (явление межиндивидуальной вариативности — далее МВ), и вариативность, наблюдаемую при многократной записи от одного и того же информанта (индивидуальная вариативность — ИВ).

Рассказы, записанные от различных людей, в любом случае будут не совпадать в связи с многоплановыми отличиями самих рассказчиков — социокультурными, психофизиологическими, этническими, регионально-диалектными и т. д. С некоторой долей условности возможно говорить о том, что варианты, записанные от одного и того же человека, в определенном смысле манифестируют вариативность «в чистом виде», демонстрируют сущность вариативности фольклорного текста, поскольку упомянутые межиндивидуальные отличия в данном случае отсутствуют.

Сопоставление ИВ, записанных от ряда рассказчиков, показало необходимость рассмотреть не только и не столько индивидуальные варианты того, что обычно подразумевается под «текстами несказочной прозы», сколько ИВ целостных бесед с одним и тем же информантом (фольклорные прозаические рассказы являются составной и важнейшей частью этих бесед).

В качестве основного материала будут использоваться тексты четырех бесед, записанных от двух рассказчиц в разное время (в соответствии с инициалами имен этих информантов данные беседы будут далее сокращенно именоваться Аф1, Аф2, Тият1 и Тият2). Кратко охарактеризуем условия и характер фиксации указанных бесед. Беседы Аф1 и Аф2 записаны от Е. П. Афанасьевой, жительницы с. Княжуха Ульяновской области⁴. Афанасьева — великолепная рассказчица, основную часть жизни прожившая в родном селе, знающая и любящая традицию. Она — тот тип информанта, который можно отнести к «центр-личностям»⁵, выполняющим ряд социально-значимых функций: например, служба на поминках, хранение «устной истории» села и т. д.

Беседа Аф1 была записана в 2000 г. двумя студентками-первокурсницами (в возрасте 18—19 лет), ориентированными, условно говоря, практически на весь спектр традиционного знания (былички, мемуары, приметы, календарь, свадебные частушки и т. п.). Фиксация Аф2 произошла в 2007 г. На этот раз в роли собирателей выступили другие люди — молодые мужчина и женщина 26—27 лет — аспиранты, достаточно четко ориентированные на темы своих диссертацион-

ных работ (в основном, записывалась несказочная проза — былички, рассказы о снах, местные легенды). Следует указать, что собиратели, участвовавшие в Аф2, не владели на момент фиксации расшифровки предыдущей беседы, что в какой-то степени позволяет говорить об отсутствии стремления (со стороны исследователей) специально организовать композицию разговора. Впрочем, однозначно утверждать такое отсутствие нельзя.

Сравнение полученных записей показало, что из 70—100 текстов⁶ (в некоторых случаях точнее, видимо, будет говорить не о текстах, а о конкретных темах беседы — например, «гадания на Святках»), рассказанных информанткой в каждой беседе, 14 рассказов присутствуют как в Аф1, так и в Аф2. Несовпадение текстов бесед обусловлено, в основном, различием интересов собирателей (но не только этим). Далее мы сосредоточимся на анализе фрагментов, присутствующих в обеих беседах. Все 14 совпавших рассказов (28 индивидуальных вариантов) относятся к несказочной прозе. Их сопоставление на уровне целостных бесед позволило установить следующее.

Ряд текстов подается рассказчиком блоками, т. е. в композиции беседы они занимают соседствующее положение. Текстовые блоки не являются стабильной структурой: рассказы могут менять положение по отношению друг к другу, блоки нередко дополняются и «разрываются» новыми текстами, однако в любом случае сохраняется тенденция воспроизводить входящие в блок рассказы *совместно*. Установить отнесенность тех или иных текстов к одному блоку возможно главным образом путем сравнения индивидуальных вариантов целостных бесед. Проиллюстрируем эти наблюдения на примере бесед Аф1 и Аф2.

Если обозначить каждый индивидуальный вариант буквенным символом, а несовпадающие тексты — цифрой, то общую композицию первой беседы можно представить таким образом:

[Аф1] А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н О 1—69

В несовпадающем фрагменте беседы (1—69) присутствуют описание традиционных игр, молодежных «сиденок»; тексты частушек и песен; описание календарных праздников и свадьбы. В Аф2 вопросы, соответствующие этим элементам традиционной культуры, собирателями не задавались.

Схематическое представление второй беседы таково:

[Аф2] 1—12 М(3) Л И К 13 О Н 14—21 Д 22—23 Ж 24 Е 25—37 Г 38—43 Б 44—70 В 70—77 А

В несовпадающих частях Аф2 находятся, в основном, несказочная проза (рассказы о сновидениях, былички, рассказы об исцелениях, мемораты) и паремии (приметы).

Сравнение схем Аф1 и Аф2 показывает синтаксическую устойчивость блока З И К Л М Н О. Во второй беседе изменено положение текстов по отношению друг к другу (М[3] Л И К О Н), а также при-

внесен новый рассказ — 13 (его появление обусловлено специальным вопросом собирателя). Кроме того, текст З, имеющий самостоятельное значение в Аф1, во второй беседе фактически стал составной частью рассказа М. Также достаточно устойчив блок текстов Д Е Ж, хотя их сцепленность во второй беседе не столь очевидна.

Отнесенность рассказов к одному блоку подтверждается не только их композиционным соседством, но и тем, что рассказчица в большинстве случаев самостоятельно (без помощи вопросов собирателя) переходит от текста к тексту. В этом случае один рассказ как бы «на крючке» влечет другой.

Например, в Аф1 рассказ о явлении огненного красного шара («летуна»), обозначенный символом «З», заканчивается так: «И всё — нету никого, рассыпался». Далее информантка сразу переходит к тексту И: «Ну, а потом в тридцать четвёртом году мы перестраивались вон туды в конец самый...». Текст И, в свою очередь, завершается словами: «Да, это они летают, летуны». Затем снова следует самостоятельный переход к новому тексту К: «У нас, у меня у сестры удавился муж, и вот он к ней повадился...».

В беседе Аф2 также следует целая серия самостоятельных переходов. Например, финал текста Л об увиденном летуне: «Шар рассыпался и всё осветил. А эдак же: у ней сын умер, она больно плакала об нём, и вот он к ней приходил, прилятал...» — сопровождается самостоятельным переходом к зачину текста И (сходному по речевому оформлению с индивидуальным вариантом беседы 2000 г.): «А мы в тридцать четвёртом году (вот это я хорошо же помню) строились в конце там...». После окончания текста И («И с этого раза больше не стал приходиться к ней. Вот он приходил») следует самостоятельный переход к рассказу К, также сходный со своим аналогом в беседе Аф1: «А потом вот у сестры муж (она ж в Чебоксарах живёт, она старше меня на два года), первый муж у ней удавился...».

Другим свидетельством блоковой соотнесенности указанных текстов является наличие синонимической взаимозамены отдельных деталей индивидуальных вариантов рассказов. Например, в первой беседе в рассказе об обмирании (в схеме — текст Н) упомянут следующий срок: «*Двадцать дней* она [обмершая] лежала, но её не хоронили...». В тесно связанном с текстом Н рассказе О (о другом случае обмирания) о продолжительности обмирания не сообщается.

В беседе Аф2 в рассказе Н величина продолжительности сна меняется: «И вот она заснула, *месяц* спала она». При этом упомянутый в Аф1 срок появляется в соседнем рассказе О: «*Двадцать дней* она лежала». Можно предположить, что на такое чередование сроков определенное влияние оказало изменение последовательности в подаче рассказов: в первой беседе — Н О, во второй — О Н. В любом случае присутствие такой синонимии отдельных деталей — свидетельство блоковой связи текстов в беседе.

Эти и подобные им наблюдения показывают, что беседа обычно организуется на основе макротем, устанавливаемых через взаимодействие вопросов собирателя и интересов («знаний») информанта. В ответ на определенную макротему (например, на вопрос «о приходящих мертвецах») нередко воспроизводится серия быличек, серия ассоциативно, смежно, тематически связанных текстов⁷. Эту сцепленность текстов в рамках беседы одна из рассказчиц, вспоминая нашу недавнюю встречу с ней, охарактеризовала так: «У меня вчера как-то это: друг за дружкой напоминалось»⁸. Если беседующих несколько, то выдается серия текстов на одну тему разными информантами.

Закону блоковости подчиняются не только фольклорные тексты, но и рассказы к случаю, биографические нарративы. Особенно показательны это проявляется, если тексты уже не раз воспроизводились, не раз сцеплялись рассказчиком.

В связи с этим уместно поставить вопрос о правомерности тех границ фольклорных прозаических текстов, которые по негласной договоренности устанавливаются исследователями в публикациях и при цитировании в научных работах. Обычно эти границы конституируются по принципу: «отдельный текст — это рассказ об одном — двух тесно связанных случаях, скрепленных сюжетно, персонажно и композиционно». На наш взгляд, есть смысл указать на искусственность таким образом установленных границ, поскольку при подобном подходе элиминируется обязательная включенность рассматриваемых текстов в рамки целостной беседы. Беседа имеет свои композиционную и сюжетную организации, нередко подразумевающие тесную связь рассказов, входящих в блок. Границы между такими текстами прозрачны.

Вероятно, определенное решение данной проблемы возможно на основе бахтинского *dixi*, когда говорящий исчерпывает определенную макротему разговора и готов к следующей макротеме (вопросу) собеседника⁹. Впрочем, это решение осложняется тем, что к той или иной макротеме информант и собиратель в течение беседы могут возвращаться несколько раз; одна макротема может входить в другую либо перебиваться рядом иных макротем.

Две других беседы (Тият1 и Тият2) менее показательны, хотя не менее любопытны для подтверждения сделанных выводов¹⁰.

Меньшая «иллюстративность» данных бесед обусловлена двумя факторами: записи Тият1 и Тият2 сделаны одними и теми же собирателями¹¹ (промежуток времени между фиксациями составил одни сутки); каждая из бесед длилась около 40 минут, что не позволяет оперировать таким большим количеством составных элементов, как при сопоставлении Аф1 и Аф2.

Схематическое представление композиции Тият1 и Тият2 таково (как и в предыдущих схемах, буквы обозначают совпадающие фрагменты беседы, цифры — несовпадающие; нижним индексом после буквы отмечается повтор текста в пределах одной беседы):

[Тият1] 1 2 3 4 А Б В Г Д Е ЖЕ₂

[Тият2] 1 Ж 2 3 Е Ж₂ 4 Г(Д) А 5 6 7 В Б 9—15

Следует отметить тенденцию объединять в блок тексты Г Д Е Ж. Любопытно, что, как и в предыдущей серии бесед, в Тият2 меняется последовательность подачи текстов (Е Ж₂ Г[Д]) и добавляются новые рассказы (текст 4). Кроме того, как в Аф1 и Аф2, наблюдается случай объединения двух самостоятельных элементов (тексты Г и Д) в один — Г(Д).

Остановимся на последнем случае подробнее, поскольку это позволит перейти от схематического рассмотрения композиционной организации целостных бесед к более конкретному сопоставлению индивидуальных вариантов.

При первой встрече с жительницей с. Ждамирово В. И. Тиятиной, которую также можно отнести к типу «центр-личностей»¹², ею было пересказано сновидение (в схеме — текст Г), связанное с традиционными представлениями о посмертной участи детей после аборта. В этой беседе в качестве пассивной наблюдательницы присутствовала другая жительница с. Ждамирово, соседка Тиятиной — Л. И. Дубровина, которая добавила важный комментарий к рассказу. В ответ на комментарий соседки В. И. Тиятина рассказала еще об одном сне с подобным сюжетом, который она слышала от своей подруги-односельчанки — Е. М. Моисеевой (в схеме — текст Д). Приведем этот фрагмент беседы полностью.

«[В. И. Тиятина] Вот я уж вам скажу заодно тут. Вот женщины незамужни. И вот детей-то им не надо ведь, маненько то[ль]ко надо. И вот моя сёстра двоюрна задумала это... уничтожить-то. И ей сон снится: вот старичок-то подошёл, это Микола— свяtitель, седенький, слышь, grit: “Чё, раба, хошь делать?” — и повёл, grit, меня эдак-то. И вот, слышь, “райские цветы сперва мне кажет, я, слышь, сроду их не видела, какая тока красота... а потом подошёл как башня, слышь, большая” — “Вот чё хочешь сделать-то, место-то...” — а я, слышь... — свободно”. Опять так и делала и делала, уничтожала детей-то...

[Л. И. Дубровина] Чего же он ей показал?

[Тиятина] Место, где этаким-то, кто валит детей-то...

[Соб.] Кто аборты делает?

[Тиятина] Да, да, да. Они как убийцы людей считай...

[Дубровина] А то я слышала, значит, показал он на то, там, говорит, кишат эти вот малыши маленькие, которых уничтожили. “Вот, — говорит, — где твой-то”.

[Соб.] Это они как в болоте каком-то?

[Дубровина] Ну, да, водоём какой, вроде, вот они там все кишат: “Вот, — grit, — где твой ребёнок-то”.

[Тиятина] А мне Лиза Моисеева рассказывала: она тоже делала ведь их, оборты-то делала. И вот она эдак же подошла к яме-ти и говорят, говорит, женщина-то ей говорит, тут в яме стоит, говорит: “Вот они шас, это ваши дети там, а время придёт, они выдут, а вы — туды!

А время придёт, — ну, Суд Божий, и все выдут, а родители — туды»».

В беседе Тият²¹³, состоявшейся на следующий день, этот рассказ (помимо всегда встречающихся в индивидуальных вариантах фольклорной прозы речевого «вибрирования»¹⁴ текста и вариативности на уровне деталей) претерпел определенную трансформацию сюжетно-смыслового плана. Суть этой трансформации заключается в присоединении к финалу рассказа дидактического вывода из сновидения Е. М. Моисеевой.

Ср.: «Это я вам рассказывала вчера: это моя двоюродная сестра задумала абортик сделать, но это: “Не надо больше”, а это хотела уничтожить. А ей сон-то снится: седенький старичок, Микола-святитель, у няво и ряса сера: “Чё, раба, хошь делать-то? — ей говорит. — Айда со мной”. И повёл, вот, grit... Это, наверно, райские мяста: вот цвяты токо какие, не видела сроду я [сновидица] эдакую красоту. Ладно идём, слышь, глядим, глядим, подошли: тут как башня, ну, строенна: вишь, они там мучаются, эти дети-ти, ну, плавают, а там всё-таки загорожено, а там и червь, и всё, ну, всякий смрад. Вот он отворил ей дверь, grit, опять сказал: “Чаво хошь делать? Вот место-то тебе! Вот тебе, вам это...” — там их полно. И вот, — grit, — Суд Божий будет, они все выдут на волю, ну, дети — в рай, а вы — туды...

[Соб.] На их место?

— Да.

[Соб.] Это, значит, какая-то башня там была, в которой дети?

— Яма эдакая. Она это сверху башня-то: отгорожена и двери. Он открыл их».

Обратим внимание, что фраза: «И вот, — grit, — Суд Божий будет, они все выдут на волю, ну, дети — в рай, а вы — туды...» — может трактоваться двояко. Если бы мы имели дело с однократной фиксацией этого текста (в варианте Тият²), то можно было бы уверенно констатировать только одну трактовку этого фрагмента (с точки зрения слушателя): процитированная фраза относится к реплике приснившегося святого и является неотъемлемой частью данного рассказа. Вероятно, именно в таком виде этот текст будет пересказываться в дальнейшем. Понять, что словечко «grit» («И вот, — grit, — Суд Божий...»), относится не к Николаю Угоднику, а к подруге, пересказавшей информантке свой сон, возможно только в том случае, если, что называется, «владеть ситуацией», знать весь контекст. Приблизиться к пониманию этого контекста позволяет сравнение (а главное — фиксация) индивидуальных вариантов отдельных текстов и целостных бесед.

Итак, сопоставление индивидуальных вариантов наполняет конкретным содержанием общие теоретические положения, касающиеся потенциального воздействия на рассказ его предыдущих воспроизведений, а также непосредственного влияния собеседников (не только собирателей) на произносимый текст.

Приведем еще один показательный пример такого влияния. В беседе Аф1 была пересказана быличка о встрече рассказчицы с русалкой (в схеме — текст Б). В Аф1 принимали участие только собиратели и информантка. Текст был воспроизведен в следующем виде:

«У нас река вот эта проходит, я жила вот на той улице, — вот где к остановке туда. Вот мы пошли купаться на речку, — ну, девчонки там, бежали, и русалка сидела на камне. Там камень такой большой есть, — он и шас там стоит, этот камень. И она сидела, часала волосы. Они чёрные у ней, — сидит и чешет волосы. Мы побежали к ней. Когда подбегли, она прыг в воду и исчезла...».

При пересказе этого текста в Аф2 в беседе, помимо собирателей, принимали участие еще три человека — подруги-односельчанки, с которыми Е. П. Афанасьева служит на поминках. Одна из них (В. А. Николаткина) сама вспомнила про русалок после разговора о ведьмах, слетающихся на местный колодец. Афанасьева после фразы своей подруги воспроизвела данный текст, при этом постоянно ориентировалась в процессе рассказа на присутствующих односельчанок. В результате в варианте Аф2 был воспроизведен ряд элементов, невозможных (точнее — неуместных) в первой беседе, а именно: были названы конкретные имена местных жителей, так или иначе задействованных в сюжете рассказа.

Ср.: «[В. А. Николаткина:] Чай, бывало, и эти были русалки-те... [Е. П. Афанасьева:] На речку ходили купаться в детстве, вот тут где мост шас большой, да, вот туды пониже, чуть-чуть пониже был большо-ой камень, вот. Она сидит и чешет волосы. А мы шли купаться, нас много, все выселки: Ольга Матеева, я там, Настя наша-то, мишенькин [Мишенькин?] вот Минька — ну, нас много, все спускаемся, — у Коли Чатыркина тут [рядом с его домом]. Сидит русалка и чешет волосы. Девки-то заорали: “Русалка! Русалка!” — всё, мырк! — нет её».

Называние имен имеет смысл только в присутствии местных, способных понять, о ком идет речь. Такой прием повышает достоверность рассказа. Далее этот текст в Аф2 был дополнен пересказом нового мотива, который отсутствовал в Аф1. Его пересказывает В. А. Николаткина. Е. П. Афанасьева также демонстрирует явное знакомство с этим поворотом сюжета, хотя, судя по всему, без присутствия подруги она вряд ли упомянула бы его (как это и произошло в беседе Аф1).

«[В. А. Николаткина] Она [русалка] и ходила, нам Душанька всё рассказывала, ходила по выселкам, русалка-те. Влюблялись робята в неё. И, говорят, если сумеешь накинуть хрест на неё, чтобы она тебя... [Е. П. Афанасьева, перебивая] Да, тогда она делается человеком... [В. А. Николаткина] Человеком — и невеста твоя будет...».

Примеры разнообразного влияния участников беседы на воспроизводимый текст можно значительно умножить. Рассказы в связи с реакцией собеседников могут становиться подробнее (появляются новые, иногда важные детали и эпизоды) или существенно сокращать-

ся. Причины этого самые различные — уровень сложившегося между собирателем и информантом контакта; настроение и самочувствие участников беседы (не только рассказчика); различные бытовые и социальные обстоятельства; ряд вопросов собирателя, порой поворачивающих беседу в совершенно новое русло и т. п.

Учесть все эти обстоятельства нельзя, но показать их конкретную реализацию в каждом отдельном случае — вполне по силам любому исследователю, имеющему возможность неоднократного контакта со своими рассказчиками. Кроме того, сопоставление ИВ бесед и входящих в них текстов углубляет понимание роли контекста (вербального и невербального) при воспроизведении того или иного рассказа; изменяет понимание смысла отдельных мотивов и образов рассказа в глазах слушателя-собирателя; проясняет роль того или иного поворота сюжета; свидетельствует о том, что рассказчики могут осознавать синонимию некоторых образов, мотивов, целых эпизодов, что позволяет иногда взаимозаменять их.

Приведем некоторые примеры, подтверждающие эти выводы. Из-за значительного объема необходимых для иллюстрации фрагментов беседы мы вынуждены использовать их частичный пересказ.

В Тияти во время воспроизведения очередного рассказа о сновидении (в схеме — текст В) к беседающим подошел муж одной из информанток и, будучи немного навеселе, принял собирателей за «сетевиков», т. е. торговцев различным ширпотребом, часто обманывающих сельчан. Он не на шутку разбушевался, однако его сумели быстро увести благодаря общим усилиям собравшихся, в том числе — благодаря помощи соседа Тиятиной И. С. Ежова. Итак, это относительно случайные, тем не менее контекстуально значимые обстоятельства воспроизведения данного фрагмента беседы¹⁵.

Вкратце содержание рассказанного В. И. Тиятиной сновидения таково: в реальности (не во сне) во время обеденного перерыва на полевых работах кто-то из собравшихся заметил, что «садимся есть — как басурмане [без молитвы]». Кто-то другой ответил: «А может, и нет ничего!» (т. е. нет Бога). Рассказчица мысленно с этим согласилась. Затем ей снится сон, в котором информантка видит Христа в белой сияющей одежде, говорящего: «Верьте!..». Сновидицу очень поразил этот сон (проснулась с плачем); она пересказала его своей матери, которая среагировала на рассказ следующим образом: «Она кричит: “Ты что-то, матушка, это думаешь? Не думай больше этово ничё никогда!” [что Бога нет]. Вот какие, вот сны-то всё-таки мне вывели».

К моменту завершения данного рассказа вернулся И. С. Ежов. Между ним, В. И. Тиятиной и Л. И. Дубровиной состоялся следующий примечательный диалог, который выполнил функцию своеобразного комментария к только что рассказанному сну, имеющему явную дидактическую подоплеку, и событийному контексту беседы — скандалу с нетрезвым односельчанином:

«[В. И. Тиятина:] Вот они, я прямо скажу — кто не за Бога: вот видишь, как [кивает в сторону, куда увели разбушевавшегося односельчанина]. Ну, чё мы ходим? Мы то[ль]ко... а чё мы?»¹⁶. [И. С. Ежов:] Это у него вылетело чё — рогатины... [т. е. связанное с нечистой силой] [Тиятина:] Мы об этом и говорим. [Ежов:] Правильно, что ль? [Л. И. Дубровина:] Правильно!.. [Тиятина:] Об этом и говорим... [Все согласно кивают].

Контекстом беседы Тият2 служила совершенно другая ситуация — организованная участниками фольклорной экспедиции реконструкция «похорон шута»¹⁷. Несмотря на отличие коммуникативного контекста, при повторном рассказе упомянутого выше сновидения В. И. Тиятина использует этот новый контекст в схожей коммуникативной функции, а именно — с целью подтверждения правильности дидактического вывода сна: Бог есть, а «рогатины» (т. е. нечистая сила, «шут») постоянно «вылетают», пытаются отвратить человека от Бога, заставляют усомниться в его существовании.

Ср. финал индивидуального варианта этого текста, представленный в беседе Тият2: «Я грю: “Христос наснился!” — вот ей [матери] сказала это всё [о сне]. Она грит: “Ты чтой-то, эдак и [не] думай [что Бога нет], матушка, это ты чтой-то?”. Вот какие мне всё сны-то. *Это меня Бог, чтобы я не пошла вон — к шуту-то*» [показывает рукой на чучело шута (здесь — «нечистого»), сделанное во время реконструкции, в которой, кстати, активно помогал уже протрезвевший вчерашний «буян»].

Таким образом, сопоставление индивидуальных вариантов данного текста позволило увидеть далеко не случайный характер обращения информантки к, казалось бы, случайным внетекстовым обстоятельствам рассказа (как уже указывалось, различный событийный контекст используется здесь в схожих коммуникативных целях). Выяснить это, а тем более наглядно продемонстрировать на конкретном примере — фактически невыполнимая задача вне учета феномена индивидуальной вариативности.

Другой пример, демонстрирующий возможности рассмотрения ИВ беседы, связан с текстом былички о приходящем покойнике, который был зафиксирован в беседах с Е. П. Афанасьевой (в схемах — текст И). Кратко перескажем сюжет текста, представленный в Аф1: информантка в детстве случайно услышала разговор своей тётки с умершим мужем. Девочка рассказала об этом своему отцу. Он начал ругать излишне тоскующую вдову и стал уговаривать её перестать «привечать»: «“Избавиться надо, люди же знают такой способ!”. Ну, вот её учили: она села на печке, как ёму [умершему мужу] прийти (как двенадцать часов они обязательно являются). Мы все боялись спать, не спим: девчонки. Вот она сидит и волосы расчёсывает. Он заходит и говорит: “Ты чё делаешь?”. Грит: “Волосы чешу!”. Ага. “Зачем?” — он ей грит. Она грит: “Замуж хочу!” — “Ты что, — грит, — разве мыслимо! Тебе нельзя замуж

выходить!» — «А разве мёртвому можно с кладбища ходить?» — она ему говорит. Он дверью ка-ак хлопнул, — щас вся изба задрожала. И с этого раза больше не пришёл. Вот».

В варианте Аф2 этот текст в целом совпадает с ИВ предыдущей беседы, но имеется ряд значимых отличий. Во-первых, добавлены подробности, иллюстрирующие опасность привечать покойника: пришедший мертвец снял крест со спящего отца рассказчицы: «Отец не слышал, утром встал — на него нет креста». Во-вторых, в финальном эпизоде способ изгнания покойника заменен на описание синонимичного, но не тождественного способа отваживания: «И она, значит, что сделала тогда: семем конопляным обсыпали дом. И вот он прилятел, а семья-то не пускат! Там с молитвой кака-то старуха делала. Он ка-ак даст! — аж изба задрожала. И с этого раза больше не стал приходить к ней. Вот он приходил».

В данном случае нас не интересует степень осознанности такой замены (напомним, что между фиксациями Аф1 и Аф2 прошло 7 лет). Главное — указать на саму возможность подобной трансформации в рамках «репертуара» одного рассказчика. На наш взгляд, в первую очередь это свидетельствует о глубоком знании рассказчицей традиции, что позволяет ей пользоваться отдельными мотивами и эпизодами как своего рода мозаикой для «складывания» текста. Любопытно, что элементы этой мозаики иногда могут взаимозаменять друг друга.

В завершение укажем еще на одну важную как для теоретической, так и для полевой работы проблему, которую в пределах данной статьи мы лишь обозначим. Она носит, по всей видимости, методологический характер. Сформулируем ее в виде следующего вопроса: что *в действительности* представляют собой публикуемые и цитируемые исследователями фольклорные прозаические тексты? В связи с этим можно поставить еще один сложный вопрос: как соотносятся между собой феномены индивидуальной и межиндивидуальной вариативности?

Помещаемые в различные сборники рассказы обычно являются однократной записью текста от одного информанта. Зафиксированный на аудионоситель и расшифрованный индивидуальный вариант претерпевает своеобразную «канонизацию» и в дальнейшем функционирует (используется) как феномен, фактически не отличающийся от любого письменного текста¹⁸. При таком подходе мало учитывается (по крайней мере на практике), что этот же информант в другой раз (иногда — на следующий же день) может воспроизвести данный текст со значимыми вариациями. Когда говорят о вариативности применительно к такому «канонизированному» рассказу, то обычно имеют в виду исключительно межиндивидуальную вариативность.

Теоретически (и это действительно стало носить характер школьной истины) всегда учитывается, что фольклорный текст функционирует и возникает вариативными «пучками»¹⁹. Но опять же на практике — при

публикациях, цитировании, работе в поле — принимаются во внимание главным образом пучки межиндивидуальных вариантов (МВ).

Таким образом, к МВ относят ряд канонизированных текстов, однократно записанных от рассказчиков, порой далеко отстоящих друг от друга в социокультурном, пространственном, этническом, временном и др. отношениях. Так возникают исследовательские конструкты, носящие названия «версий», «видов», «редакций» и т. п.²⁰ При этом различное сочетание качественных и количественных видоизменений, служащих критерием, который позволяет отличать, например, версию от редакции, а «вид» от «извода» — порой носит (и, вероятно, не может не носить) весьма отвлеченный характер²¹.

Исследование особенностей МВ — это анализ макро- и мезоуровневой вариативности. Данный анализ позволил установить ряд очень важных закономерностей, без которых сейчас совершенно невозможно представить себе фольклористическое исследование. Однако без учета микроуровня индивидуальной вариативности данный анализ рискует остаться лишенным реальной подоплеки, жизни. Фиксирование индивидуальных вариантов конкретных текстов и целостных бесед позволяет увидеть и — главное — представить функционирование того или иного рассказа *объёмно*²², не канонизируя его, а действительно учитывая его бытование и возникновение в вариативных пучках.

Примечания

¹ Данный подход имеет достаточно длительную историю и обширную библиографию. См. некоторые обобщающие работы: *Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура. In *memoiam*. СПб., 2003; *Адоньева С. Б.* Прагматика фольклора. СПб., 2004; *Ван Дейк Т. А.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989; *Чистов К. В.* Фольклор. Текст. Традиция. М., 2005; *Малиновский Б.* Научная теория культуры. М., 2005 и др. В связи с этим назовем также некоторые исследования последнего времени, учитывающие названные факторы и непосредственно связанные с проблематикой настоящей статьи: *Левкиевская Е. Е.* Прагматика мифологического текста // *Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста*. М., 2006. Вып. 10. С. 150—213; *Дианова Т. Б.* Гипертекстовые единства в живой фольклорной традиции // *Актуальные проблемы полевой фольклористики*. М., 2002. Вып. 1. С. 68; *Миненок Е. В.* Вариативность как текстологический фактор // *Актуальные проблемы полевой фольклористики*. М., 2002. Вып. 1. С. 74—87; *Иванова А. А.* От реального факта к фольклорному тексту (о роли экспериментальных методик в полевой работе) // Там же. С. 153—160; *Добровольская В. Е.* Роль контекста в бытовании и реконструкции фольклорного текста // *Традиционная культура*. М., 2004. ¹ 3. С. 46—55; *Фадеева Л. В.* Рассказчик и комментатор: позиции в устном повествовании // *Актуальные проблемы полевой фольклористики*. Сыктывкар, 2008. Вып. 4. С. 15—23.

² Любое фольклористическое, антропологическое или этнологическое описание и анализ всегда останутся только описанием и никогда не утратят свой «интерпретативный» статус (см. об этом подробнее: *Гириц К.* Интерпретация культур. М., 2004; *Христофорова О. Б.* Между сциентизмом и роман-

тизмом: Клиффорд Гириц о перспективах антропологии // Новое литературное обозрение. М., 2004. ¹ 70. С. 32–39; *Елфимов А. Л.* Клиффорд Гириц: интерпретация культур // *Гириц К.* Указ. соч. С. 525–551). Однако признание этого не устраняет самой возможности стремиться сделать данное описание точнее, хотя, конечно, не «объективнее».

³ *Чистов К. В.* Вариативность и поэтика фольклорного текста // *Чистов К. В.* Указ. соч. С. 77.

⁴ Афанасьева Екатерина Петровна, 1925 г. р., 5 кл., род. и прожив. в с. Княжуха Сурского р-на Ульяновской обл.; собиратели 2000 г. — Л. Белоусова, Е. Антонова, собиратели 2007 г. — Е. Сафронов, А. Липатова.

⁵ *Никитина С. Е.* Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993. С. 56.

⁶ Длительность каждой из бесед составила около двух часов.

⁷ Ср. сходные наблюдения Т. Б. Диановой, которая предлагает использовать для наименования подобных серий термин «гипертекст»: *Дианова Т. Б.* Указ. соч. С. 73–74.

⁸ Высказывание В. И. Тиятиной; полный паспорт этой рассказчицы см. ниже.

⁹ См.: *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // *Бахтин М. М.* Собр. соч.: в 7 т. М., 1997. Т. 5. С. 173 и сл.; ср. также: *Левкиевская Е. Е.* Указ. соч. С. 152–154.

¹⁰ Беседы Тият1 и Тият2 записаны от Тиятиной Веры Ивановны, 1924 г. р., 3 кл., род. и прожив. в с. Ждамирово Сурского р-на Ульяновской обл., соб. Е. Сафронов, А. Липатова.

¹¹ Участие в Тият1 и Тият2 одних и тех же собирателей делает сомнительной правомерность сопоставления с первой серией бесед. Тем не менее, для исследования особенностей индивидуальной вариативности как таковой оба случая представляют равный интерес.

¹² В. И. Тиятина поет на поминках и в церкви; к ее мнению по вопросам, связанным с религиозными традиционными обрядами, многие односельчане прислушиваются, цитируют ее комментарии в своих рассказах.

¹³ В беседе Тият2 принимали участие только собиратели и рассказчица.

¹⁴ Замечания о «вибрировании» фольклорного текста см.: *Чистов К. В.* Текст устный — текст письменный // *Чистов К. В.* Указ. соч. С. 73.

¹⁵ П. Г. Богатырев назвал бы это «ситуацией при исполнении фольклорных произведений», см.: *Богатырев П. Г.* Роль ситуации при исполнении фольклорных произведений // *Богатырев П. Г.* Функционально-структуральное изучение фольклора (малоизвестные и неопубликованные работы). М., 2006. С. 218–228.

¹⁶ Этими словами одновременно как бы оправдывает и себя, и нас, беседующих с ней, — в свете произошедшего инцидента. Фраза «Ну, чё мы ходим?» — это контраргумент В. И. Тиятиной против вопроса «Чё вы ходите?!», устроившего скандал и адресованного собирателям.

¹⁷ Подробнее об этом ритуальном комплексе в данном селе см.: *Чередникова М. П.* Троицкий обряд «шута хоронить» в Ульяновской области // *Живая старина.* М., 2001. ¹ 4. С. 9–12.

¹⁸ Следует также напомнить, что при письменной фиксации устной речи мы имеем дело с моделью, лишь «с определенной степенью адекватности отображающей устную речь» (курсив мой. — Е. С.) [*Тарасов Е. Ф.* К построению теории речевой коммуникации // *Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Шахнарович А. М.* Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М., 1979. С. 41].

¹⁹ Теоретические основы такого подхода представлены, например, в следующих работах: *Богатырев П. Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 6, 297—367; *Путилов Б. Н.* Современные проблемы исторической поэтики фольклора в свете историко-типологической теории // *Фольклор: Поэтическая система.* М., 1977. С. 17; *Богатырев П. Г.* Семантика и функция сельского этикета // *Богатырев П. Г.* Народная культура славян / под ред. Е. С. Новик. М., 2007. С. 307; *Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура. С. 213 и сл.

²⁰ См., например: *Азбелев С. Н.* Основные понятия текстологии в применении к фольклорному материалу // Принципы текстологического изучения фольклора. М.:Л., 1966. С. 260—301; *Чистов К. В.* Вариативность как проблема теории фольклора // *Чистов К. В.* Народные традиции и фольклор: Очерки теории. Л., 1986. С. 137; *Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура. С. 211—213 и др.

²¹ См., например: *Азбелев С. Н.* Указ. соч. С. 277 и сл.

²² Важные замечания о необходимости осмысления фольклорного текста как «объёмного явления» (в связи с феноменом вариативности) см. в ст.: *Миленок Е. В.* Указ. соч. С. 75 и сл.